

УДК 101

А.В. Чайка

Институт философии и социально-политических наук

Южного федерального университета

г. Ростов-на-Дону, Россия

redaction-el@mail.ru

ПРОБЛЕМА ОДИОЗНОЙ ЛИЧНОСТИ И ОДИОМИЗМА В ОБЩЕСТВЕННОМ СОЗНАНИИ

**[*Chaika A. V. Problem of odious personality and odiumism
in social consciousness*]**

The problem of terrorism as a way of counter-cultural environment, causing mixed feelings from bewilderment to the direct and active aversion, antipathy is considered. It is defined the identity of the terrorist through the prism of "odious personality". The analysis of concepts «odium» and «terror», from the perspective of social culture is carried out that is presented by the social consciousness of the individual in the form of "wardrobe communities". Odiumism idea is considered as the model that includes the widest range of antisocial behavior.

Key words: terrorism, odious person, odiumism, "dressing community".

Говоря о культурном образе террориста, как одного из типичных представителей современного общества, хотя представителей и не многочисленных, следует отметить прежде всего что это образ устрашения и образ, формирующий устойчивое чувство неприязни. Говоря иначе, этот образ вызывает устойчивое чувство отвращения и страха. В современном обществе мы встречаем образы, имеющие черты и характеристики, характерные, скорее для контркультурной среды, образы, вызывающие смешанные чувства: от недоумения до прямого и активного отвращения, неприязни. Террорист, принявший зло как средство [6, с. 294] в достижении своих целей, иные одиозные фигуры, совершающие зло из идеалистических соображений или по неразумию, являются персонажами «сегодняшнего дня» и пользуются большой известностью, оказывают влияние на общественное развитие. Сам феномен «одиозной личности» давно стал самостоятельным фактором современной культуры, для которой характерно стирание границы между добром и злом, особенно если речь идет о достижении каких-то целей, конкретных задач.

Особенности социокультурной ситуации, когда одиозная личность получает значительное влияние, а также специфика общественной реакции на проявления в современной культуре феномена одиозности заслуживают особого внимания при освещении поставленных в данной статье задач.

Достаточно давно, например, в публицистике и отчасти в научной литературе утвердилось понятие «одиозная личность» или «одиозная фигура». Весьма часто данные термины трактуются не всегда корректно, когда, например, начинают характеризовать некую персону, которой предаются и для которой характерны такие качества, как одержимость, фанатизм, избыточная уверенность, вызывающее поведение и т.д. Такое часто встречается при характеристиках исторических персонажей XX века, таких как Гитлер, Каддафи, Садам Хусейн, Усама Бин Ладен и т.д. В целом, в общих чертах, это соответствует истине, однако при такой трактовке мы имеем дело с феноменом полисемии. И верно здесь, пожалуй, лишь то, что некоторые личности вызывают к себе крайне отрицательное отношение. «Odieux», французское слово, переводимое на русский язык как «противный», «отвратительный», «ненавистный», «крайне неприятный», происходит от латинского «odiosus», производного от «odium» – «ненависть», «вражда», «неприятное отношение», «несносность» и т.д. В научных текстах, в отличие от публицистических, чаще встречается корректное употребление слова «одиозный». Весьма часто при анализе того или иного явления термин «одиозная личность» характеризует именно то, что она совершает отвратительные, предосудительные, постыдные, крайне неприятные поступки, либо допускает подобные суждения.

В связи с этим есть смысл в обобщении явления, связанного с понятиями «одиозный», «одиозность». Отметим, что террорист, человек, который совершает террористические акты, безусловно, помимо страха, вызывает и чувство отвращения, ненависти. Совершая преступления против общества или какой-либо его части, убивая зачастую ни в чем не повинных людей, террористы ставят себя в положение изгоев, людей отвергаемых в силу своей опасности, осуждаемых общественным мнением. Образ террориста ассоциируется с вероломным насилием и вопиющей жестокостью, он антигуманен и антикультурен, его деструктивность не вызывает сомнения. Однако это не единственный образ, который в последнее время вызывает чувство отвращения и отвержения.

Если вернуться к понятию «одиозная личность», то приходится констатировать, что современная культура переживает некий взрыв «одиозности», некую истерическую контркультурную атаку, которую общество переживает весьма болезненно. Поступки, вызывающие сильные негативные чувства у подавляющего большинства представителей современного общества, становятся едва ли не самыми обсуждаемыми и вызывают целую широкую полемику. Весьма часто данные поступки имеют косвенное отношение к правосудию и законности, а несут, скорее, оттенок кризиса морали, попирают привычные и устоявшиеся ценности, подрывают веру в конструктивность конституционной идеи о правах человека. Они могут характеризоваться не как прецеденты вседозволенности, а как прямой вызов общественному мнению. Их можно охарактеризовать латинским словом «*odium*», то есть они вызывают чувство ненависти, возмущения, враждебное отторжение. Так может сформироваться представление об «одиум-личности», «одиум-поведении», «одиум-действии». То есть о таком образе жизни части общества, который не может приниматься как нормативный и допустимый, а может вызвать не только массовое осуждение, но и самодеятельное противодействие.

Всем известны акции некоей группировки «Pussy Riot», деятелей так называемого движения «крестоповал», публикации различного материала о пророке Магомеде, на шумевший фильм о нем и т.д. Оскорбительное кривляние женщин у православного алтаря не может остаться незамеченным. Материалы, оскорбляющие чувства сотен миллионов мусульман вызвали целую бурю протестов в мусульманском мире.

Чувство отвращения вызывает, безусловно, целый ряд обстоятельств. Например, видеоролик, демонстрирующий акцию активистки «крестоповала». Почти полностью обнаженная женщина, тело которой испачкано нецензурной надписью, с бензопилой в руках пытается перепилить поклонный православный крест. Развязные размашистые движения, нецензурная брань, рев бензопилы – все это повергает в состояние эмоционального шока, побуждает к желанию немедленно это прекратить или забыть, словно ужасный сон. Заметим, если привычный романтический образ, когда «нижнее, природное, дочеловеческое» попирает неприкосновенную «человеческую белизну женского тела» (настигнутая козлом Антиопа, Леда с распаленным лебедем, Пасифия с быком) [4, с. 80], связано, все-таки, с насилием, воз-

действием извне, то современный образ Антиопы исторгает ужас изнутри. Прекрасное белотелое создание раздевается по своей воле и при этом безобразно кривляется и намеренно издевается над моралью.

Но омерзительное поведение имеет громкий резонанс, об омерзительном поступке узнают почти все, поэтому такие политические акции имеют большой эффект. Это непременно следует признать как абсолютную данность.

Если же проанализировать поступок активистки «крестоповала», то становится очевидным, что она стремилась совершить «благое дело», вывести из под удара свою единомышленницу, привлечь внимание общественности к тому, что по ее мнению называется «судебной расправой» либо «охотой на ведьм». Хотя следует отметить и то, что образы активисток «Pussy Riot» и «крестоповала» не слишком отличаются от тех мифологических ведьм, которые описаны, например, в текстах Средневековья. «Творить добро», совершая постыдные, предосудительные действия, отвратительные действия, реакция на которые может быть крайне непредсказуемой и опасной едва ли возможно. Шокирующая, вызывающая позиция, опровергающая морально-этические представления большинства современников не находит искомого понимания. Крайне предосудительный и антикультурный, антизаконный способ ведения общественной, политической и иной деятельности может быть охарактеризован как моральный экстремизм. *Odium hominis* – ужасный человек, это можно сказать и о террористе и о «героях» «крестоповала» или «деятелях» «Pussy Riot». Однако и террористы, и странные дамы, бунтующие против церкви, являются частью объективной реальности, органической частью современного социума, персонами, несущими в себе, или лучше сказать носителями и популяризаторами контркультуры, популяризаторами культурного бунта, моды на дикость.

Понятие «*odium*» шире понятия «*terror*». С точки зрения социальной культуры, оно является родовым. Явление «одиомизма», следовательно, шире явления «терроризма», оно охватывает все формы общественного поведения, вызывающие активную неприязнь и даже единодушное отвращение публики. Оно имеет контркультурную направленность, и в силу того что наносит серьезный культурный ущерб обществу, негативно влияет на него, имеет связь с той частью политического сообщества, которая замыкается в своих программах и действиях на так называемых «крайних формах», экстре-

мизме. Основными определениями одиомизма можно считать такие понятия, как «отторжение», «отвращение», «острая неприязнь», «несносность», «невыносимость», «культурный шок», «деструкция», «агрессия». Ключевым же является понятие «дикость», поскольку одиомизм претендует на разрушение социокультурной нормы, отказ от нормативного поведения.

Общеизвестным является пример Ортеги-и-Гассета. Он, в частности, описывает почти анекдотический случай, когда один европеец завез в Австралию крошечный кактус. Кактус там настолько прижился, что едва не вытеснил людей. Дикость, обладая колоссальной энергией, способна разрушить устоявшееся естество, перестроить мир «под себя». Этот феномен он называет «натиском леса», применяет его при анализе современности и находит вполне показательным при рассмотрении состояния общества, когда в Европе, «сердце» мировой цивилизации, появляется и распространяется, захватывая обозримый мир, новый дикарь [4, с. 80].

В современных технологиях формирования общественного мнения идея «*odium hominis*» является одной из наиболее применимых и известных. Так, «угасающая звезда» эстрады вполне может «подогреть» интерес к себе не новым творческим достижением, а каким-либо скандалом, склокой, эпатажным поступком, неожиданным «откровением». Для этого «угасающая звезда» устраивает громкий скандал, демонстрирует свое тело, либо рассказывает о перепетях и особенностях своей интимной жизни.

Сказанное выше делает возможным умозаключение, что современное общество представляет собой благоприятную среду для производства «ложной славы», славы с «отрицательным знаком». Оно не в состоянии игнорировать или активно осудить тот или иной предосудительный, негативный поступок. Вместо этого оно активно и болезненно реагирует на это и переживает отвратительное поведение некоторых своих «героев». Инстинкты массы, о которых говорил Ортега-и-Гассет, неожиданно и надежно закрепились в образах и символах героев-разрушителей, ниспровергателей вековых традиций и основ культуры. И совершенно не имеет значения то обстоятельство, каков характер и накал обсуждения проблемы суда над активистками «Pussy Riot», как аргументируют свои позиции те, кто их оправдывает, и кто именно их оправдывает. Можно назвать их «странный молебен» дамским капризом или невинной шалостью, можно назвать суд над ними судебной расправой, можно также

охарактеризовать реакцию государства на их поступок как попытку ущемить права инакомыслящих. Это не меняет сути вопроса. Общество было шокировано, но при этом питало противоречивые, но мощные чувства к тому, что с ними происходит, общество было не готово к тому, чтобы дать всему трезвую оценку. Следствием всему стала ошеломляющая слава активисток «Pussy Riot», их мировая известность, а также обострившиеся политические отношения России с западными странами. По-видимому, именно это имел в виду Ортега-и-Гассет, когда писал: «Оторопь берет, когда люди вполне культурные трактуют злободневную тему. Словно заскоруждые крестьянские пальцы вылавливают со стола иголку. К политическим и социальным вопросам они приступают с таким набором допотопных понятий, какой годился в дело двести лет назад для преодоления трудностей в двести раз легче» [4, с. 81-82].

Odium hominis начинает господствовать, овладевая чувствами все большей и большей части общества. Массовая культура с ее готовностью тиражировать все, что может обернуться звонкой монетой или принести иные дивиденды, все, что так или иначе притягивает интерес массы, порождает того самого героя-трикстера, который возник в дикие времена архаического мифотворчества. Не даром современный исследователь Майкл Игнатъевф пишет по этому поводу: «В 20-м столетии представление о едином человеческом сообществе опирается в большей степени на страх, нежели на надежду, не на веру в человеческую добродетель, а скорее на боязнь тех злодеяний, на которые способен человек» [6, с. 290]. Возможно, это обстоятельство и вынуждает людей на подсознательном уровне так открыто и с такой страстью реагировать на отвратительные глупости.

Анализируя современность, Зигмунд Бауман приходит к печальному выводу о наличии безусловной и объяснимой закономерности развития представителя нынешнего общества. Он говорит: «Зрелища пришли на смену “общей причины” тяжелой эпохи/твердой современности, что в значительной мере меняет характер идентичности и играет важную роль в осмыслении эмоциональной напряженности и порождающих агрессию травм, которые время от времени сопровождают погоню за этой идентичностью» [1, с. 215]. Бауман формулирует концепцию «текучей современности» – так он называет состояние современного общества – в котором постоянно возникают прецеденты неких общественных новообразований, реагирующих на то или иное

явление или событие. Это явление или событие он называет «зрелищем», которое формирует иллюзию общих чувств, общих забот, которые не приобретают новых характеристик, нового качества и не связаны зачастую с реальными проблемами. Эти самые зрелища и формируют так называемые «гардеробные сообщества», или «карнавальные сообщества» [1, с. 213-216]. Фактически, это одно и то же. Легко представить себе следующую картину: определенные люди пришли на карнавал и в этой ситуации они вынуждены принять правила карнавала. Они одеваются и ведут себя так, как и положено вести себя на карнавале, следовательно, они в чем-то похожи друг на друга и переживают эмоции, вызванные одним для всех зрелищем. «Гардеробное сообщество» – это люди, пришедшие в театр, их всех организует гардероб, где они оставили свою верхнюю одежду и после этого превратились в зрителей. С этого момента их впечатления и ощущения синхронизированы, но после того как опускается занавес, они забирают свою одежду и погружаются в пучину индивидуальных проблем, растворяясь в пестрой толпе.

Заметим, это лишь временные сообщества, а не все общество. Учитывая сложность и разнообразие индивидуальных увлечений и жизненных ситуаций, каждый человек может одновременно быть участником нескольких «зрелищ» или «гардеробных сообществ», и не все подвержены влиянию одиозизма. Переживая за судьбы участниц группы «Pussy Riot», болея за одну из команд Континентальной хоккейной лиги, негодуя по поводу очередной аварии с участием пьяного водителя, человек попадает в несколько «гардеробных сообществ», становясь пленником сложных и сильных эмоций. Не все эти сильные эмоции вызваны отвращением к «героям спектакля», не все «герои спектакля» совершают омерзительные поступки, но принцип формирования «гардеробного сообщества» всегда один: он базируется на сильных эмоциях. И они есть взрывоопасные сообщества, они не устойчивы, но их активность может взорвать общественную жизнь на какое-то непродолжительное время.

И пусть часть «гардеробных сообществ» цементируется справедливым гневом по поводу очередной невинной жертвы пьяного водителя, часть – сиюминутным отчаянием, вызванным поражением любимой команды, какая-то часть, все-таки, сплочена шоком от внезапно испытанного отвращения.

Взрывоопасность «гардеробных сообществ» ошеломляет. Необузданная дикость толпы может стать причиной настоящей массовой трагедии. Так,

например, известны многочисленные случаи настоящих побоищ футбольных болельщиков. Одним из наиболее известных остается трагедия на брюссельском стадионе «Хёйзел», когда массовая драка болельщиков «Ливерпуля» и «Ювентуса» привела к гибели 38 человек. Порой, темперамент «гардеробного сообщества» охватывает все общество, что является причиной серьезных политических конфликтов. Общеизвестным случаем является так называемая «футбольная война» 1969 года накануне чемпионата мира по футболу 1970 года между Сальвадором и Гондурасом. После первого отборочного матча группового турнира бунтовали лишь болельщики, очевидцы матча. Ответный матч стал причиной нарастания массовой истерии, что привело к неоправданно легкомысленным политическим заявлениям лидеров этих государств. Это стало причиной четырех дней настоящей войны и гибели более 6000 человек. Крайне напряженно, с особым подтекстом, проходят футбольные матчи между сборными Аргентины и Англии. Болельщики двух государств, которых всегда разводят по разным секторам стадиона, охвачены не самой интригой зрелища, а тем, как данное зрелище удовлетворяет их национальные амбиции в контексте переживаний за результаты «фолклендского кризиса». Примерно такая же ситуация царил на матчах хоккейных сборных СССР и ЧССР, где причиной разгула эмоций была идея реванша за «пражскую весну» со стороны чехословацких болельщиков. Таких примеров масса и они характеризуют страсть и темперамент «гардеробного сообщества».

Связь одиозизма и терроризма хорошо просматривается не только при наблюдении за совершаемыми актами, но и при анализе реакции общества на них. Если жертвами первых являются неокрепшие души представителей молодежи, духовная стабильность общества, культура, этические нормы и ценности, некоторые традиции, а иногда и политическая стабильность, то жертвами вторых являются конкретные люди. Культурное и физическое насилие над обществом всегда вызывает чувство отвращения, порождает те или иные тревоги. Жертвами данных акций всегда становятся абсолютно случайные люди, объекты, явления, общественные феномены. Основными характеристиками данных жертв являются невинность и непредсказуемость.

Р. Жерар в своей книге «Насилие и сакральное» [7] предложил достаточно проработанную теорию насилия в обществе. Интересно то, что Жерар смело берется за проблему жертвоприношения, то есть выделения конкрет-

ных жертв для той или иной акции насилия. Это люди, не вписывающиеся в сообщество по каким-то причинам: иностранцы, рабы, пленные и т.д. Принося их в жертву, общество приобретает некоторое искомое спокойствие и стабильность, не опасаясь мести. В этом смысле жертвоприношение есть цена за стабильность [7, с. 7-15]. В настоящее время данная теория получает непротиворечивое развитие, поскольку жертвами современного насилия являются фактически все те же люди. Их уже трудно назвать рабами или пленными, но это обычные члены общества, чья идентичность «размыта», не сцементирована крепкой идеей, и именно они становятся членами «гардеробного сообщества», активно переживающими то или иное зрелище.

Анализ одиозизма как актуального современного явления непременно замыкает исследователя на достаточно устоявшейся ценностной связке «зло – глупость». Иначе говоря, на некоем механизме, когда совершаемые акты зла непременно первоначально вызывают мощную эмоциональную реакцию, которую можно охарактеризовать как совокупность глупостей. Как иначе охарактеризовать массовый интерес кривляньями описанных выше случаев? Не даром Д. Бонхёффер [2] создает концепцию глупости как явления значительно более опасного, чем злоба. Он утверждает, что перед глупостью человек беззащитен. Это абсолютно верно, поскольку акция «Pussy Riot», в силу каких-то обстоятельств, представляется попыткой борьбы за свободу слова, фундаментальную свободу любой демократии. В этом случае поддержка «Pussy Riot» представляется, с одной стороны, объективно необходимой, поскольку свобода нужна, а с другой – постыдной, поскольку остается без ответа вопрос: что же это за свобода – кривляться на алтаре? Казалось бы, неразрешимая проблема. Но она остается неразрешимой лишь до тех пор, пока речь идет о чувствах, чувственном желании водворить справедливость. Более оптимистическую оценку явлению дает Альбер Камю, когда утверждает, что зло есть результат невежества, а добрая воля может причинить «столько же ущерба, что и злая, если эта добрая воля не достаточно просвещена» [3, с. 294]. Здесь мы имеем дело с надеждой на силу разума, на то что рано или поздно он «пересилит» эмоции и поможет адекватно оценить реальность. Преодолеть «зло произвольного обмана» [5, с. 84], осознать и признать наличие недостатков в себе позволяет преодолеть состояние внезапной силы глупости. Ведь на самом деле так и происходит.

В определенной степени можно утверждать, что порой вызов одиозной личности миллионам напрямую связан с вызовом Богу. В современной социальной практике такая ситуация случалась несколько раз с точностью, приближенной к абсолютной. Достаточно вспомнить такие случаи одиозизма, как осквернение синагог, публикация карикатур на Пророка Магомеда, акции «крестоповала». Гигантское количество примеров одиозизма являет современная массовая культура, тиражируя отвратительные образы и сюжеты, шокирующие непрестанно публику. Опасность подобных акций, образов и сюжетов не столько в новых и неожиданных явлениях «не спящих пороков человечества», нарастающем ценностном нигилизме, творческом дурновкусии и т.д., что, само по себе очевидно и печально. Опасность в их зловещем потенциале, в их способности мгновенно взорвать общественное мнение, привести к пересмотру этических и эстетических начал цивилизации, массовым трагедиям и глубоким культурным и политическим кризисам, повлечь за собой новую цепь акций одиозизма и терроризма. Таким образом, нарастание одиозизма и терроризма прямо пропорционально расколдовыванию проблемы зла, превращению его в обыденную повседневную проблему.

Выводы:

1. В современном обществе, в целом, ориентированном на парадигмы общечеловеческих ценностей, гуманизм, терпимость и т.д. по-прежнему остается насущной и пока не разрешимой проблема «одиозной личности», совершающей жестокие, антиобщественные, вызывающие отвращение и моральное осуждение поступки, концептуализирующей зло как один из приемлемых способов социального творчества. Она раскрывается как одна из актуальных проблем современной культуры, очерчивающей одну из граней кризиса культуры, когда романтический образ бунтаря-одионочки не только демонстрирует презрение к таким ценностям как культура, этика, совесть, закон, традиция, сама жизнь, но и проявляет способность к манипуляции и управлению социокультурными процессами современности.
2. В целом, проблему «одиозной личности» и вопросы общественной реакции на ее деятельность можно охарактеризовать как явление «одиозизма», имеющего дуальную сущность. С одной стороны, одиозизм представляется как явление индивидуальное, как феномен «одиозной

личности», бросающей вызов обществу, не акцентирующей внимания на средствах деятельности, презирующей сложившиеся культурные традиции и этику. С другой, это проблема общества, реагирующего на акции одиомизма весьма своеобразно и неоднозначно.

3. Важным обстоятельством является способ общественной реакции на акции «одиомизма», когда общество переживает данные акции, формируя стихийные «гардеробные сообщества», сплоченные единством, в целом, однотипностью эмоциональной реакции на одиомизм. Переживание одиомизма является собой некое движение, генезис, представляющий собой вектор, направленный от эмоционального шока и первоначальной фрустрации, массовой эмоциональной реакции, сильного чувства толпы в сторону атомизации, индивидуального осмысления и рационального действия.
4. Одиомизм имеет прямое отношение к терроризму, представляя собой явление более общего порядка. В целом, одиомизм можно представить в виде модели, включающей в себя максимально широкий перечень антиобщественных проявлений, начиная с некоторых артефактов массовой культуры, профанацией принципов и этики политкорректности, религиозных, националистических, расистских, политико-уголовных провокаций, заканчивая террористическими актами и другими способами терроризации общества.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Бауман З.* Текучая современность. СПб., 2008.
2. *Бонхёффер Д.* Сопротивление и покорность. М., 1994.
3. *Камю Альбер.* Избранное // Чума. Минск, 1989.
4. *Ортега-и-Гассет Х.* Восстание масс. М., 2005.
5. *Паскаль.* Мысли. М., 1994.
6. *Свендсен Л.* Философия зла. М., 2008.
7. *Girard Rene.* La Violence et le sacre. Paris. Grasset, 1972.

REFERENCES

1. *Bauman Z.* The fluid present. SPb., 2008.
2. *Bonhoeffer D.* Resistance and obedience. M., 1994.
3. *Camus Albert* Favorites // Plague. Minsk, 1989.
4. *Ortega-Gasset J.* Revolt of the Masses. M., 2005.
5. *Pascal.* Thoughts. M., 1994.
6. *Svendsen L.* Philosophy of evil. Moscow, 2008.
7. *Girard Rene.* La Violence et le sacre. Paris. Grasset, 1972.

10 сентября 2015 г.
